

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ШЕДЕВР: ГЕРБ АНФИМА I, МИТРОПОЛИТА ВАЛАШСКОГО

[13.06.2006] // Михаил Медведев

Одним из наиболее изящных примеров православной церковной геральдики может по праву считаться герб священномученика Анфима I, митрополита Валашского (Унгро-Влахийского), запечатленный на миниатюре в рукописи 1713 года из собрания Румынской Академии Наук. В нем присутствует не лев, не орел и не ангел, а иное создание Божие – *улитка, ползущая по земле навстречу сиянию звезды*: забавный и трогательный символ человеческого стремления к горнему миру.

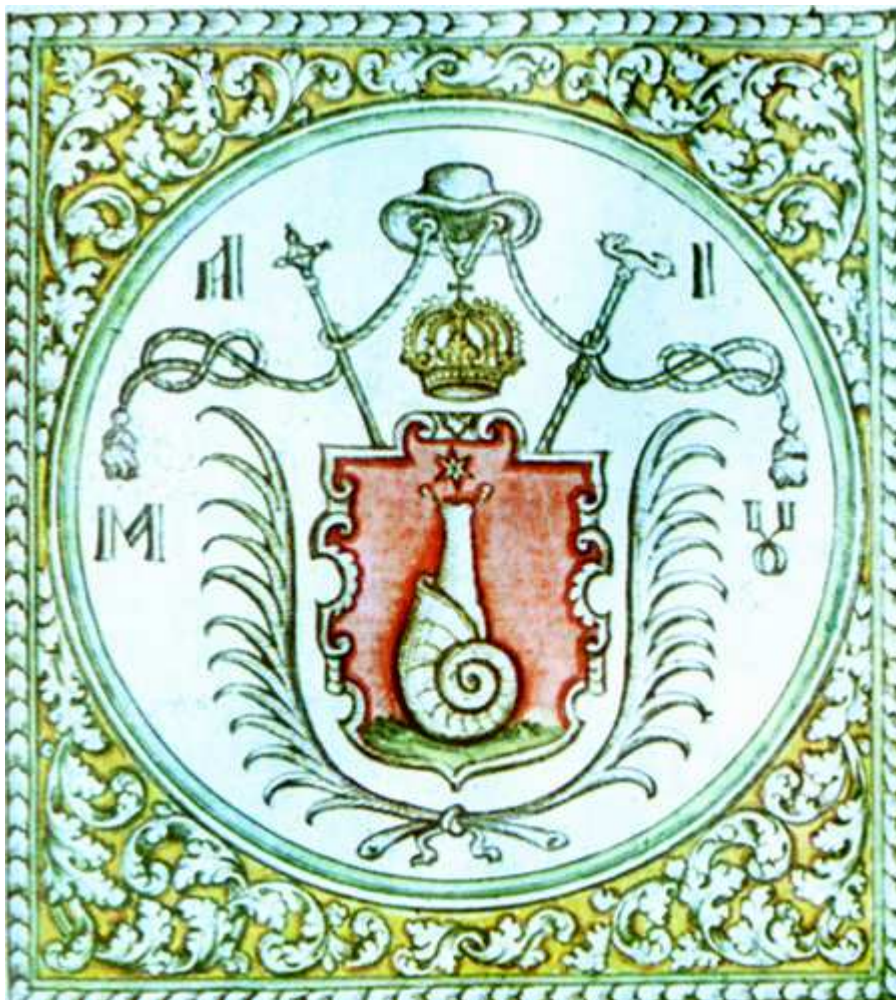
Анфим, в миру Андрей, именуемый Иверским, Ивериянином, т.е. грузином (Антим Ивирияну или Ивириянул – для румын, Антимоз Ивериели – для грузинских соотечественников), родился около 1650 года по одним сведениям – в сердце Грузии, в царстве Карталинском, по другим – в месхетинской земле, в южном княжестве Самцхе-Саатабаго, в то время принадлежавшем Турции. Будущий святитель был воспитан в любви к Церкви, искусствам и книгам. Вероятно, в юности ему довелось состоять при особе низверженного царя Имеретии, Арчила II Вахтанговича, и участвовать в создании грузинской типографии в Москве. На пути домой он был схвачен разбойниками и продан в рабство, но выкуплен греческим духовенством и остался со своими освободителями. Священнический сан и монашество открыли ему путь к новым духовным высотам и вместе с тем к совершенствованию в науках и искусствах. В конце 1680-х годов иеромонах Анфим, к тому времени прославившийся как художник, каллиграф, резчик и мастер-типограф, получил приглашение от господаря Валашского, святого Константина Бранкована (кстати, ставшего впоследствии одним из первых российских Андреевских кавалеров), и по поручению господаря создал несколько церковных типографий в Бухаресте и за его пределами. В Валахии Анфиму удалось добиться невиданных успехов в издательском деле. Из его рук в свет выходили превосходные издания на церковнославянском, румынском, грузинском, греческом и арабском языках. В 1709, посетив родину, Анфим основал и первую грузинскую типографию в Тбилиси.

Помимо этого, Анфим прославился как заботливый и деятельный пастырь, как блестящий и «острый» проповедник и писатель, а также как неутомимый зиждитель храмов и монастырей (он не только руководил строительством; на стенах и воротах обители Всех Святых в Бухаресте – и, вероятно, не только там – узоры были резаны рукой самого Анфима, в то время уже бывшего митрополитом Валахии).

В качестве писателя, издателя и иерарха Анфим сыграл выдающуюся роль в развитии литературного и богослужебного румынского языка. И это при том, что поначалу, по прибытии в Валахию, местный язык не очень давался ему!

Как все неординарные люди, Ивериянин имел не только друзей и союзников. В 1716 году, спустя два года после мученической кончины своего друга и покровителя – св. Константина Бранкована, казненного турками, Анфим по их же наущению был низвергнут с митрополичьей кафедры, осужден на изгнание и по пути к месту ссылки жестоко убит. Его канонизация в мученическом чине Румынской поместной церковью состоялась в 1992 году; память священномученика Анфима празднуется в Румынии 27 (14) сентября, а в Грузии – 26 (13) июня.

В те дни, когда святитель Анфим совершал свое служение, геральдика восточнохристианского мира едва начала пробуждаться от забвения, в которое она – и без того запоздалая – была ввергнута оттоманским завоеванием XV века. На Западе гербовые обычаи процветали – как среди мирян, так и в церковных кругах. Народы, привычные к православию и византийскому наследию, постепенно осваивали геральдические премудрости, и в их геральдических опытах поневоле бывало много поверхностного и подражательного.

В этом контексте особенно интересен герб Анфима Ивериянина. Нет сомнений, что владыка Анфим сам сочинил его, проявив одновременно строгое чувство композиции, деликатный грузинский юмор (как здесь не вспомнить работы Резо Габриадзе!), приверженность общеевропейской моде на аллегии, гомилетический талант (улитка, тянущаяся ко звезде – это очевидная «проповедь в образах») и пастырскую скромность (герб в известной мере оказывается полным самоиронией символическим автопортретом иерарха). Предполагать, что Ивериянин мог воспользоваться родовым гербом своего семейства, не приходится: в грузинских царствах и княжествах того времени, даже среди высшей знати, основы геральдики были почти совершенно неведомы – хотя, заметим между прочим, впоследствии Грузия подарила себе и миру череду настоящих геральдических шедевров.

Атрибуты духовного сана, обрамляющие гербовый щит святителя, образуют четкую и продуманную композицию, отчасти отражающие стереотипы католической церковной геральдики, но прежде всего соответствующие литургическим традициям православной церк-

ви. Над щитом расположена «греческая» митра, позади щита скрещены процессионный (предносной) крест первоиерарха и характерный для восточной традиции пастырский жезл с двумя «ветвями». Подобным образом процессионный крест помещается и в гербах западных прелатов, но там ему придается совершенно иное значение: он обозначает епископское достоинство, причем архиепископы – а католической равней митрополиту Валахии могли считаться именно архиепископы-примасы Запада – имеют в гербах особый крест: с двумя перекладинами. Так что вместо копирования соседской практики Римской церкви мы видим пример корректного и уважительного (к чужим и к собственным обычаям) переосмысления.

При этом Ивериянин счел возможным завершить гербовую композицию довольно-таки «западным» элементом: геральдической шляпой со шнурами, наподобие шляпы «галерума», какую помещали, и помещают поныне, в своих гербах кардиналы и епископы Западной церкви. В этом случае Анфим чувствовал себя свободным: галеруму нет прямого аналога в православной традиции (ближе всего по сути – совершенно несходный с ним клобук). Кроме того, геральдические галерумы прелатов имели подвешенные по сторонам на шнурах целые гроздья кистей, количество которых варьировало в зависимости от сана и ранга. У митрополита Анфима шляпа имеет лишь две кисти, что по современным ему западным правилам означало ранг простого кюре. Следовательно, речь не идет о копировании системы галерумов. Но на принадлежность к церковной иерархии шляпа указывала вполне четко. Недаром еще до Анфима его использовали другие православные владыки – митрополит Киевский Петр Могила, к примеру, и предшественник Анфима на Валахской кафедре – митрополит Стефан. Кроме того, изначальный символизм этого убора – оснащенной завязками путевой, страннической шляпы, подобающей преемникам апостолов – как нельзя лучше подходил самому грузинско-валахскому святителю.

Ещё один элемент герба – пальмовый венок, служащий обрамлением внизу и по сторонам. Собственно, это не столько элемент герба, сколько декоративное дополнение в духе времени. Но, скорее всего, автор герба и на этот раз наделил деталь герба определенным подтекстом – мы вправе предположить это, памятуя об аллегорическом характере композиции в щите и о продуманности знаков сана. Пытаясь определить возможную роль венка в авторском замысле Анфима, стоит вспомнить о том, что в гербах венок нередко заменял разнообразные военные элементы – шлемы, наметы (шлемовые покрывала) и всяческую арматуру. Поэтому в гербах тех, кто не занимался военными делами – клириков, дам и так далее – венки считались особенно уместными. В отношении женских, особенно – девичьих гербов этот обычай сохраняется и в наши дни.

Весьма может быть, что митрополит Анфим включил венок в свой герб, имея в виду мирную природу вверенной ему духовной власти. Так или иначе, пальмовые ветви оказались пророческими; сегодня они выглядят напоминанием об увенчавшем Ивериянина небесном венце.

* * *

Автор выражает сердечную благодарность своему румынскому коллеге профессору Д. Черноводяну за любезно предоставленное изображение герба митрополита Анфима.